

DOI: 10.22455/2500-4247-2016-1-3-4-298-324

УДК 82/820

ББК 82.3(2Рос=Рус)

«СТИХ О СВЯТОЙ ГОРЕ» ВЯЧ. ИВАНОВА: ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

© 2016 г. А. Л. Топорков

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 31 октября 2016 г.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-02709) и в ИМЛИ РАН. За ценные консультации, учтенные мною при работе над статьей, приношу благодарность Г. В. Обатнину, Ю. Б. Орлицкому, А. А. Панченку, М. Б. Плюхановой.

Аннотация: На протяжении своего творческого пути Вяч. Иванов неоднократно обращался к жанру духовных стихов. Этот жанр предполагает определенную поэтическую форму, стилистику, способ исполнения и сферу бытования. Среди сочинений Вяч. Иванова есть и такие тексты, которые воспроизводят с некоторыми изменениями традиционные духовные стихи, и такие, которые представляют собой оригинальные произведения самого Вяч. Иванова, стилизованные под духовные стихи. «Стих о Святой Горе» (1900) относится ко второй группе. Хотя текст стилизован под духовные стихи и по своей поэтике, и по содержательным параметрам, он не воспроизводит какое-то конкретное фольклорное произведение. «Стих о Святой Горе» характеризуется глубиной мысли и законченностью художественной концепции. Смысловая структура «Стиха о Святой Горе» организована двумя семантическими полями. Первое из них задается словами с корнями *свет-* и *свят-*. Святость и свет внутренне связаны в Стихе не только на уровне вербальном, но и уровне сущностном, религиозном и символическом. Вероятно, Вяч. Иванов пытался создать такой словесный текст, который бы воспринимался не только на слух, но и внутренним зрением как своеобразная словесная икона. Вторая группа слов относится к семантическому полю, задаваемому глаголами *видеть* — *ведать*. Вяч. Иванов неоднократно возвращался к образам «Стиха о Святой Горе» на протяжении своей жизни. Он сослался на легенду, изложенную в стихе, в своих статьях «Живое предание» (1915) и «Лик и личины России» (1917), а позднее в своих работах «Русская идея» (1930) и «Достоевский. Трагедия — миф — мистика» (1932), опубликованных на немецком языке. Отдельные образы, близкие «Стиху о Святой Горе», встречаются среди материалов Вяч. Иванова, связанных с замыслом «Повести о Светомире царевиче», над которой поэт работал с 1928 по 1949 гг.

Ключевые слова: поэзия Вячеслава Иванова, символизм, мистика, духовные стихи, литературная стилизация, Град Небесный, Апокалипсис.

Информация об авторе: Андрей Львович Топорков — член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, профессор, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская 25 а, 121069 Москва, Россия. E-mail: atoporkov@mail.ru

“THE VERSE ABOUT THE HOLY MOUNTAIN” BY VYACHESLAV IVANOV: A CLOSE READING. FIRST ESSAY

Andrey L. Toporkov

Received: October 31, 2016

Acknowledgements: The research was implemented in IWL RAS, with financial support of Russian Scientific Fund (project no 14-18-02709). The author would like to thank G. B. Ibatnina, Yu. B. Orbitsky, A. A. Panchenko, and M. B. Plyukhanova for their valuable comments on this paper.

Abstract: In the course of his literary career, Vyacheslav Ivanov repeatedly turned to the genre of spiritual verse (*dukhovnyi stikh*). This genre implies a specific poetic form, certain stylistic properties, performance, and circulation. Among Ivanov's works, there are both: texts that reproduce traditional spiritual verse with some modifications and original works stylized as sacred poems. “The Verse about the Holy Mountain” (1900) belongs to the second group. Though the text is stylized as spiritual verse, both on the level of its poetics and content, it does not imitate any particular folkloric text. Semantic structure of the “Verse” is organized by two semantic fields. The first one is marked by words with the roots *свет-* “light” and *свят-* “saint.” In “The Verse about the Holy Mountain,” “light” and “holiness” are interrelated not only on the verbal level but also on religious and symbolic levels of the poem. Ivanov seemed to have intended his text to be perceived not only aurally but also as a unique verbal icon by the reader's inner vision. The second group of words refers to a semantic field marked by the verbs *видеть* “to see” and *ведать* “to know.” Ivanov would repeatedly return to the images from “The Verse about the Holy Mountain” in the course of his later life. We encounter references to the poem's plot in his articles “Living Tradition” (1915) and “The Face and Masks of Russia” (1917) as well as in his works *The Russian Idea* (1930) and *Dostoevsky: Tragedy – Legend – Mysticism* (1932) published in German. Certain images related to “The Verse about the Holy Mountain” may be found among the drafts of “The Tale about Tsarevich Svetomir,” a text Ivanov was working on from 1928 through 1949.

Keywords: poetry of Vyacheslav Ivanov, symbolism, mysticism, spiritual verse, literary stylization, New Jerusalem, Apocalypse.

Information about the author: corresponding member of RAS, DSc in Philology, Director of Research, Professor, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25a, 121069 Moscow Russia. E-mail: atoporkov@mail.ru

На протяжении своего творческого пути Вяч. Иванов неоднократно обращался к жанру духовных стихов¹. «Стих о Святой горе», написанный в марте 1900 г. и включенный в первую книгу поэта «Кормчие звезды» (1903), занимает особое место среди этих стилизаций благодаря глубине и законченности художественной концепции².

СТИХ О СВЯТОЙ ГОРЕ

Трудна работа Господня.

Слова Вл. Соловьева на смертном одре
(В. Евр., 1900, IX, 420)

- 1 Ты святися, наша мати — Земля Святорусская!
- 2 На твоём ли просторе великом,
- 3 На твоём ли раздольи широком,
- 4 Что промеж Студеного моря и Теплого,
- 5 За теми лесами высокими,
- 6 За теми озерами глубокими,
- 7 Стоит гора до поднёбесья.
- 8 Уж и к той ли горе дороги неезжены,
- 9 И тропы к горе неторены,
- 10 А и конному пути заказаны,
- 11 И пешему заповеданы;
- 12 А и Господь ли кому те пути открыл —
- 13 И того следы неслежены.
- 14 Как на той на горе светловерхой
- 15 Трудятся святые угодники,
- 16 Подвизаются верные подвижники,
- 17 Ставят церковь соборную, богомольную;
- 18 А числом угодники нечислены,
- 19 Честным именем подвижники неявлены,
- 20 Неявлены — неизглаголаны.
- 21 И строячи ту церковь нагорную,
- 22 Те ли угодники Божии, подвижники,
- 23 Чтó сами творят, не видят, не ведают,
- 24 Незримое зиждут благолепие.

¹ Эти произведения Вяч. Иванова частично опубликованы в его книге «Духовные стихи», составленной по материалам брюссельского собрания сочинений поэта [11]. О духовных стихах Вяч. Иванова существует довольно большая литература: [18; 29; 30; 28; 22; 21; 3, с. 331–333; 6; 19; 24, с. 311–418; 25, с. 17–22].

² Принятая в брюссельском собрании сочинений и в издании 1995 г. датировка стихотворения концом 1900 г. исправлена на март 1900 г. на основании письма Вяч. Иванова к М. М. Замятниной от 12/25 апреля 1900 г. [17, с. 655–656; прим. 2 на с. 657].

25 А и камене тешут — оно белеется,
26 А и камене складают — оно не видится.
27 А стены ль кладут, аль подстение,
28 Аль столпы ставят опорные,
29 Аль своды сводят светлосенные,
30 Али главы кроют зарные, червонныя,
31 Аль честные пишут образы со писания, —
32 И то угодники ведают, не видючи,
33 И того мы, людие, не ведаем.
34 Как приходит на гору Царица Небесная,
35 Ей возропщутся угодники все, восплачутся:
36 «Гой еси Ты, Матерь Пречистая!
37 Мы почто, почто труждаемся — подвигаемся
38 Зодчеством, красным художеством
39 В терпении и во уповании,
40 А что творим — не видим, не ведаем,
41 Незримое зиждем благолепие.
42 Ты яви миру церковь невиданную,
43 Ты яви миру церковь заповеданную!»
44 Им возговорит Царица Небесная:
45 «Уж вы Богу присные угодники,
46 А миру вы славные светильники,
47 О святой Руси умильные печальники!
48 Вы труждайтесь, подвизайтесь,
49 Красы — славы для церкви незримыя,
50 Зодчеством, красным художеством,
51 В терпении верном, во уповании!
52 А времен Божиих не пытайте,
53 Ни сроков оных не искушайте,
54 Не искушайте — не выведывайте.
55 Как сама Я, той годиной пресветлою,
56 Как сама Я, Мати, во храм сойду:
57 Просветится гора поднебесная,
58 И явится на ней церковь создáнная,
59 Вам в обрадование и во оправдание,
60 И Руси великой во освящение,
61 И всему миру Божьему на осияние».
62 Тут Ей Божии угодники поклонилися:
63 «Слава Тебе, Матерь Пречистая!
64 Уж утешно Ты трудничков утешила,
65 Что надежно смиренных обнадежила:
66 Ин по слову Твоему святому да сбудется!»
67 А поется стих во славу Божию,

68 Добрым людям в послушание,

69 Во умиление и во упование.

<Март 1900>³

Жанр духовного стиха предполагает определенную поэтическую форму, стилистику, способ исполнения и сферу бытования. Среди сочинений Вяч. Иванова есть и такие тексты, которые воспроизводят с некоторыми изменениями традиционные духовные стихи, и такие, которые представляют собой оригинальные произведения самого Вяч. Иванова, стилизованные под духовные стихи. «Стих о Святой Горе» относится ко второй группе. Хотя текст стилизован под духовные стихи и по своей поэтике, и по содержательным параметрам, он не воспроизводит какого-то конкретного духовного стиха, а представляет собой оригинальное произведение.

Употребление слова *стих* для обозначения духовных стихов встречается у Вяч. Иванова неоднократно. В качестве эпиграфа к циклу «Райская мать», в который включен «Стих о Святой Горе», Вяч. Иванов поместил фрагмент из «Стиха об Иосафе-царевиче» [12, кн. 1, с. 91]. В разделе «Эпические сказы и песни» из сборника “*Сог Ardens*” стихотворение «Сон матери-пустыни» имеет подзаголовок «Духовный стих» [12, кн. 1, с. 386].

В завершающем фрагменте текста говорится, что этот стих поется «во славу Божию». В «Повести о Светомире царевиче» первая песня Отрады вводится словами: «И запел под окном звонкий голосок детский славу ли некую богомольную, какими дети в большие праздники Христа славят, *стих ли духовный, странничий, слуху приятный, сердцу умильный...*» [15, с. 28]⁴. Далее песня Отрады называется и «песней», и «стихом». Прежде, чем запеть Лазарю вторую песню, Отрада говорит ему: «Внимай, убогий, да вникай: я тебе о земном рае *стих* спою, — что мне пустынька дубравная нашумела, поведаю» [15, с. 36].

Весь колорит «Стиха о Святой Горе»⁵ сугубо русский, начиная от лексики и фразеологии, включая описания бескрайних просторов и первозданной природы и кончая мотивами церковной архитектуры и иконописи. Действие Стиха привязано к Святой Руси, что характерно для духовных стихов. Однако это не географическая реальность, а скорее религиозная. Как показал Г. П. Федотов, в духовных стихах «Русь для певца имеет не только национальное, но и вселенское зна-

³ Текст приведен по первой публикации стихотворения в сборнике «Кормчие звезды» [8, с. 79–81] с исправлением очевидных опечаток. При публикации текста в томе избранных сочинений Вяч. Иванова в «Новой библиотеке поэта» был пропущен колон 47 «Вы труждайтесь, подвизайтесь...».

⁴ Здесь и далее курсив в цитатах мой. — А. Т.

⁵ Далее для краткости мы будем называть «Стих о Святой Горе» просто Стихом.

чение. Действительно, нет страны, во всяком случае христианской страны, которая не была бы для него “русской землей”. На Руси происходит мучение Егория царем Демьянищем, почему и освобожденный герой возвращается на “святую Русь” <...> “По святой Руси” скитается и Богородица во время распятия <...>. Вообще Палестина, как святая земля, называется преимущественно русской <...> Имена светской политической географии перебиваются с географией религиозной, по которой Русь там, где истинная вера» [27, с. 96].

Как известно, духовные стихи распевались обычно слепыми странниками где-нибудь возле церкви. В Стихе присутствует коллективное «мы»: «...И того *мы, людие*, не ведаем». Странники обращаются к аудитории, которую они называют «людьми» так же, как и себя самих: «А поется стих во славу Божию, / *Добрым людям* в послушание, / Во умиление и во упование». Авторское «я» самого Вяч. Иванова в этом тексте заменяется на условное коллективное «мы» калик переходных, исполняющих духовные стихи для простых людей примерно одного с ними культурного уровня.

Калик переходных и святых угодников, которые строят невидимую церковь, сближает то, что и те, и другие выступают в виде недифференцированного множества. Отличает же их род занятий, а также то, что строители обладают таким знанием, которое скрыто от исполнителей Стиха: «...И то *угодники ведают*, не видючи, / И того *мы, людие, не ведаем*».

Хотя Стих Вяч. Иванова не воспроизводит какого-то определенного источника, он все же наиболее близок знаменитому духовному стиху о Голубиной книге. И «Стих о Святой Горе», и стих о Голубиной книге оформлены как диалог, призванный установить истину о Святой Руси. Начало Стиха имеет параллель в варианте стиха о Голубиной книге, записанном в Повенецком уезде:

У нашего царя у Белого есть вера православная.
Область его *превеликая* надо всей землей,
Надо всей землей, над вселенною:
Потому же Бел царь над царямы царь.
Свято-Русь-земля всем землям *мати*.
— Почему же *Свято-Русь-земля* всем землям *мати*?
— На ней *строят церкви* апостольския,
Богомольныя, преосвященныя...

[1, т. 1, вып. 2, с. 288, № 80].

В стихе о Голубиной книге говорится, что «*Свято-Русь-земля* всем землям *мати*»; у Вяч. Иванова: «Ты святися, наша *мати* — *Земля Святорусская!*» В стихе о Голубиной книге Белый царь провозгла-

шается царем над царями, потому что «Область его *превеликая* надо всей землей, / Надо всей землей, над вселенною...»; Вяч. Иванов также описывает колоссальные размеры Русской земли: «На твоём ли просторе *великом*, / На твоём ли раздольи *широком*...». В то же время есть и существенные различия между стихом о Голубиной книге и «Стихом о Святой Горе», в частности, у Вяч. Иванова на Святой Руси нет ни Белого царя, ни многочисленных церквей; на ней есть только Святая Гора, на которой строится единственная незримая церковь.

В «Стихе о Святой Горе» имеются и другие аллюзии на стих о Голубиной книге. Например, словам «...Ставят церковь *соборную*, *богомольную*...», соответствует в стихе о Голубиной книге: «...Есть в нём церковь *соборная*, *богомольная*...» [1, т. 1, вып. 2, с. 280, № 78]. Словам «А и *каменье* тешут — оно *белеется*...» соответствует: «...Стоит гробница на воздухах *бела каменна*, / В той гробнице *белой каменной* / припочивают мощи самаво Христа...» [1, т. 1, вып. 2, с. 332, № 88]. Словам «Как *приходит* на гору *Царица Небесная*...» — слова «...*Выходила Царица небесная*» [1, т. 1, вып. 2, с. 304, № 82]. Фрагмент «И *всему миру Божьему* на осияние» напоминает: «...*всему миру* на исцеление, / *Всему миру* на пропитание...» [1, т. 1, вып. 2, с. 313, № 84]. Колону «...*Добрым людям* в послушание...» находится параллель в словах: «*Старым людям* на *послушанье*...» [1, т. 1, вып. 2, с. 305, № 82].

Было бы неправильно представлять себе дело таким образом, как будто Вяч. Иванов сочинял «Стих о Святой Горе», держа в руках сборник П. А. Бессонова или какое-нибудь другое издание духовных стихов. Скорее можно предположить, что поэт вживался в образ каллик переходящих и сочинял текст как бы от их лица. Поэтому использование лексики и фразеологии духовных стихов имело для него естественный и органический характер.

Сюжет и композиция Стиха

Стих представляет собой сложное сюжетное повествование. Первый колон «Ты святися, наша мати — Земля Святорусская!» включает инвокацию, которая восходит к Пасхальному канону Иоанна Дамаскина (ирмос 9-й песни): «*Свьтися, свьтися, / новый Йерусалиме: / слава бо Господня / на тебѣ возсія. / Ликуй нынѣ / и веселися, Сїоне. / Ты же, чистая, красуйся, Богородице, / о востанїи Рождества Твоего*» [26, с. 7]. В Пасхальном каноне в свою очередь использованы слова из Книги пророка Исаяи: «*Свьтися, свьтися, Йерусалиме, приде бо твой свѣтъ, и слава Господня на тебѣ возсія*» (Ис. 60: 1).

Литургическая цитата настраивает на восприятие Стиха как произведения религиозного и предназначенного для пения. Намеченный

здесь параллелизм между Землей Святोरусской и Новым Иерусалимом получит в Стихе дальнейшую разработку. Замена глагола «светится» на «святится» акцентирует внутреннюю связь света и святости. Благодаря первому колону красота Русской земли, о которой пойдет речь далее, воспринимается как красота софийная, освященная присутствием Святого Духа.

В колонах 2–7 дается панорамная картина Святой Руси, как бы увиденной с высоты птичьего полета, со всеми ее просторами, лесами и озерами. Гора поднебесная совмещает в себе черты центра и периферии: с одной стороны, она удалена и труднодоступна, а с другой — находится где-то посередине Русской земли — «промеж Студеного моря и Теплового», и именно с нее начнется чаемое преображение всего Божьего мира.

Образ Святой Горы вызывает ассоциацию прежде всего с Афоном, который, как известно, является уделом Богородицы. Очевидно, что именно Афон и расположенные на нем монастыри (в том числе русский Пантелеймонов монастырь) были ближайшими источниками вдохновения Вяч. Иванова. Высокая «гора до поднебесья» со стоящей на ней церковью или монастырем — картина, знакомая по многочисленным гравюрам и фотографиям с Афона. В то же время локализация Святой Горы на Руси все же не позволяет отождествить ее с Афоном.

Описание Святोरусской Земли (ст. 2–7) напоминает известный зачин былины про Соловья Будимировича из Сборника Кириши Данилова:

*Высока ли высота поднебесная,
Глубока глубота акиян-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омоты Непровския,
Чуден крест Леванидовской,
Долги плеса Чевылецкия,
Высокия горы Сорочинския,
Темны леса Брынския,
Черны грязи Смоленския,
А и быстрья реки понизовския.*

[7, с. 201].

Если в былине говорится: «...*Широко раздолье по всей земли...*», то в Стихе: «На твоём ли *раздольи широком...*». В былине: «Высока ли высота *поднебесная* <...> *Высокия горы Сорочинския...*»; в Стихе: «...Стоит гора до поднебесья. <...> ...Просветится гора *поднебесная...*».

Музыкальное переложение данного зачина включено Н. А. Римским-Корсаковым в оперу «Садко». В конце четвертой картины Садко и его спутники хором исполняют песню, в которой трижды повторяются четыре инициальных стиха былины про Соловья Будимировича. Это важно, поскольку, как и в случае с первым колоном, цитаты связывают Стих с текстом, предназначенным для пения, а не просто для чтения глазами.

Параллель к Стиху имеется также в романе П. И. Мельникова-Печерского «В лесах»: «*Далеко́ и в ширь и в даль раскинулась земля Святорусская... Кто изочтет в ней дебри, леса и пустыни? Кто изведал в ней все “сокровенные места”, где живут и долго еще будут жить “люди под скрытием”, кинувшие постылую родину “сходцы”, доживающие век свой в *незнаемых миру дебрях*, вдали от людей, от больших городов и селений? Разве вольный ветер, что́ летает *от моря дб моря*, да солнце ясное знают про все места сокровенные!..» [23, с. 302].*

Далее в Стихе описывается, как святые угодники строят храм на Святой Горе, и вводится тема невидимой церкви. Божии угодники кратко описывают весь процесс строительства храма начиная с закладки фундамента, включая возведение стен, опорных столбов и сводов и заканчивая покрытием куполов червонным золотом (ст. 25–30). Очевидно, что речь идет о православных храмах с позолоченными куполами, которые сияют в солнечных лучах. Образ «опорных столпов» может иметь не только архитектурное, но и религиозное значение; см. в послании апостола Павла: «Сие пишу тебе, надеясь вскоре прийти к тебе, чтобы, если замедлю, ты знал, как должно поступать в доме Божиим, который есть Церковь Бога живаго, *столп и утверждение истины*» (1 Тим. 3: 14–15).

Божии угодники видят камни, из которых строится церковь, до тех пор, пока их обтесывают, однако когда камни укладываются в здание церкви, они становятся невидимыми, как невидима и вся церковь в целом. Еще более парадоксально то, что трудники не видят те иконы, которые они сами и пишут.

Строительство невидимой церкви описывается в Стихе трижды с повторением отдельных слов и словосочетаний и в то же время со значительным варьированием: сначала в авторском повествовании (ст. 14–33), потом в вопрошании святых угодников (ст. 37–41), и, наконец, в ответной реплике Царицы Небесной (ст. 48–51). Пречистая Матерь, по-видимому, пришла на гору в тот момент, когда строительство церкви уже приблизилось к завершению или даже было почти совсем закончено. Святые угодники жалуются ей и просят сделать так, чтобы они могли увидеть незримую церковь. Царица Небесная сначала призывает угодников продолжить их труд, а потом обещает им, что сама явится в выстроенный ими храм.

Если христианская эсхатология учит о Втором Пришествии Христа, то в Стихе содержится пророчество о грядущем сошествии на землю Богородицы (ст. 55–60). Это пророчество представляет собой кульминацию Стиха. Данный фрагмент, насыщенный световыми образами, закольцован с первым колоном «Ты святися, наша мати — Земля Святोरусская!», который, как мы отмечали, содержит аллюзию на Пасхальный канон Иоанна Дамаскина, и вновь актуализирует тему Небесного Иерусалима. Предсказание Богородицы содержит в себе аллюзии на Откровение от Иоанна, в котором Небесный Иерусалим сравнивается с невестой и с женой Агнца, а также описывается как светоносный город, наполненный славой Господней:

«И я, Иоанн, увидел святы́й город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный *как невеста, украшенная для мужа своего*» (Откр. 21: 2).

«И пришел ко мне один из семи Ангелов, у которых было семь чаш, наполненных семью последними язвами, и сказал мне: пойдя, я *покажу тебе жену, невесту Агнца*.

И вознес меня в духе на великую и высокую гору, и показал мне великий город, *святы́й Иерусалим, который нисходил с неба от Бога*.

Он имеет славу Божию. Светило его подобно драгоценнейшему камню, как бы камню яспису кристалловидному» (Откр. 21: 9–11).

«И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне *для освещения своего, ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Агнец*.

Спасенные народы *будут ходить во свете его*, и цари земные принесут в него *славу и честь свою*» (Откр. 21: 23–24).

За словами Богородицы следуют два заключительных фрагмента: сначала Божии угодники прославляют Богородицу (ст. 63–66), а потом калики переходящие славословят Господа и обращаются с нравучением к своим слушателям (ст. 67–69).

Стих включает две рамочные конструкции, одна из которых как бы вложена в другую. Он начинается с инвокации калик переходящих (ст. 1), продолжается их пением (ст. 2–35) и заканчивается им же (ст. 67–69). Последние строки указывают на то, что текст исполняется для того, чтобы дать надежду добрым людям и вызвать у них чувство умиления.

Во второй части Стиха приводится диалог между святыми угодниками и Богородицей, который включает три реплики: сначала трудники обращаются к Богородице с просьбой позволить им видеть церковь, которую они строят (ст. 36–43); потом Царица Небесная обещает им, что когда она сойдет в храм, гора просветится и церковь на ней станет видимой (ст. 45–61); наконец, угодники поют славу

Богородице (ст. 63–66). Таким образом, реплика Царицы Небесной занимает центральное место и в ее диалоге с угодниками, и в целом в композиции всего Стиха.

Каждая из трех реплик диалога заканчивается своеобразной кульминацией. Реплика святых угодников завершается обращением к Царице Небесной: «Ты яви миру церковь невиданную, / Ты яви миру церковь заповеданную!»

Ответная реплика Пречистой Матери посвящена ее второму пришествию и заканчивается словами о преображения всего мира (ст. 60–61). Наконец, в заключительной реплике строителей церкви прославляется Богородица и утверждается вера в ее пророчество (ст. 63–66).

Метрика и звуковые повторы

В целом размер Стиха можно определить как белый тактовик с рядом отступлений, который призван имитировать народный тонический стих. В среднем в колонах от 9 до 15 слогов, на которые приходятся от 2 до 5 ударений. При этом большинство колонов включают 3 или 4 сильных икта (соответственно стихи 34 и 27), а колоны с двумя и пятью сильными иктами относительно немногочисленны (соответственно стихи 6 и 2).

Количество слогов в колонах варьируется от 9 до 15: 9 слогов — 8 колонов, 10 слогов — 13 колонов, 11 слогов — 15 колонов, 12 слогов — 11 колонов, 13 слогов — 9 колонов, 14 слогов — 11 колонов, 15 колонов — 2 колона.

Из общего ряда выделяются колоны с наибольшим и наименьшим количеством слогов и у ударений. Текст открывается колоном, который включает 15 слогов, несущих на себе 6 ударений: «Ты святися, наша мати — Земля Святорусская!» Колон четко делится на два полустипа, причем левое соответствует хорю, а правое — амфибрахию.

В двух колонах, которые передают обращение святых угодников к Царице Небесной и их страстное требование (почти заклинание), имеется по пять ударений: «Ты яви миру церковь невиданную, / Ты яви миру церковь заповеданную!» Данные колоны имеют гипердактилические окончания, которые встречаются в Стихе еще только один раз в колоне 54: «Не искушайте — не выведывайте...». В словосочетании *яви миру* два ударных слога идут подряд, что создает эффект затрудненного произнесения текста. Таким образом, эти два колона выделены не только метрически, интонационно.

5 колонов несут на себе только по два ударения: «...И пешему заповеданы...», «...Неявлены — неизглаголаны», «...В терпении и во уповании...», «...Не искушайте — не выведывайте», «...Во умиление и во

упование». Наибольшее количество безударных слогов между сильными иктами — 8 в колонне: «...Вам в обра́дование и во оправда́ние...».

В целом метрическая структура Стиха достаточно разнообразна и варьируется в широких пределах. При этом отдельные колоны укладываются в силлабо-тонические размеры, например, анапест («На твоём ли просторе великом...»), амфибрахий («...За теми лесами высокими...»), дактиль («...Зодчеством, красным художеством...»).

Большинство колонов (59 из 68) имеют дактилические окончания, что соответствует тенденции к стилизации народного стиха. В двух колонах представлены дактилические окончания с мужским осложнением: «...А и Господь ли кому те пути **открыл...**» и «...Как сама Я, Мати, во храм **сойду...**». Три колона, как уже отмечалось, имеют гипердактилические окончания (42, 43, 54), ещё 5 колонов — женские (2, 3, 14, 52, 53).

В Стихе нерегулярно появляются рифмы, которые занимают позиции в конце синтаксических периодов, связанных друг с другом отношениями параллелизма. Трижды встречается смежная парная рифмовка:

...За теми лесами **высокими**,
За теми озерами **глубокими...**

А времен Божиих не **пытайте**,
Ни сроков оных не **искушайте...**

...Добрым людям в **послушание**,
Во умиление и во **упование**.

Внутренняя рифма встречается как в пределах одного колона («...Вы **труждайтесь**, **подвизайтесь...**»), так и двух колонов («...**Труждаются** святые угодники, / **Подвизаются** верные подвижники...»).

Отметим случай перекрестной неточной рифмовки в сочетании с анафорой, синтаксическим параллелизмом, тавтологическими словосочетаниями и аллитерацией:

А **СТ**ены ль кладут, аль под**СТ**ение,
Аль **СТ**олпы **СТ**авят **опорные**,
Аль **СВ**оды **СВ**одят **СВ**етло**Сенные**,
Али главы кроют зарные, червонныя...

В кульминационном фрагменте Стиха имеется перекрестная рифма **оправдание** — **осияние** в сочетании с неточной рифмой **созда́нная** и ассонансом **освяще́ние**:

«И явится на ней церковь создáнная,
Вам в обрадование и во оправдание,
И Руси великой во освящение.
И всему миру Божьему на осияние».

Случаи появления рифм (точных и неточных) и ассонансов связаны с явлением синтаксического параллелизма и производят впечатление непреднамеренности и даже случайности. В совокупности метрические особенности текста имитируют специфические черты духовного стиха, предназначенного для песенного исполнения.

Стиль и лексика

Для Стиха характерно использование анафор, которые создают эффект эмоциональной, взволнованной речи, например:

*«Как сама Я, той годиною пресветлою,
Как сама Я, Мати, во храм сойду...»*

*А и камень тешут — оно белеется,
А и камень складают — оно не видится.*

Анафоры могут сочетаться с синтаксическим параллелизмом, рифмами и ассонансами: «*На твоём ли просторе великом, / На твоём ли раздольи широком...*»; см. также ст. 5–6, 42–43.

В Стихе встречаются подхваты, характерные для народных песен и былин:

*...Честным именем подвижники неявлены,
Неявлены — неизглаголены.*

*...Ни сроков оных не искушайте,
Не искушайте — не выведывайте.*

В четырех случаях в Стихе используется так называемый библейский параллелизм, когда второй колон представляет собой парафраз первого, например: «*А времен Божиих не пытайте, / Ни сроков оных не искушайте...*»; см. также колоны 2 и 3, 15 и 16, 42 и 43.

Многие колоны начинаются с союзов *и* и *а*, которые выступают по отдельности или в сочетании друг с другом, например:

*А и конному пути заказаны,
И пешему заповеданы;
А и Господь ли кому те пути открыл —
И того следы неслежены.*

Еще одна черта фольклорной поэтики — инициальные обороты «Уж и», «Уж вы», «Гой еси Ты» и др., например: «Уж и к той ли горе дороги неезжены...», «Гой еси Ты, Матерь Пречистая!», «Уж вы Богу присные угодники...».

Во фрагменте, имитирующем речь святых угодников, встречаются в инициальной позиции служебные слова, не имеющие самостоятельного значения:

*«Уж утешно Ты трудничков утешила,
Что надежно смиренных обнадежила:
Ии по слову Твоему святому да сбудется!»*

В начале четырех колонов используется просторечный союз *али* (*аль*) (ст. 28–31). Встречаются в Стихе обороты с частицей *ли* (*ль*), характерные для фольклора: «На твоём *ли* просторе великом, / На твоём *ли* раздольи широком...», «Уж и к той *ли* горе дороги неезжены...», «...А и Господь *ли* кому те пути открыл...», «...Те *ли* угодники Божии, подвижники...», «А стены *ль* кладут, аль подстение...».

В Стихе представлены разные лексические пласты. К просторечию можно причислить слова: *промеж* (вместо *между*), *складают* (вместо *складывают*), *почто* (вместо *почему*), *али* и *аль* (вместо *или*). К книжному слою относятся сложные слова (например, существительное *благолепие*, прилагательные *Святорусская*, *светловерхая*, *богомольная*, *светлосенные*), глаголы *святиться*, *зиждить*, *труждать*, *возроптать*, существительные *камение*, *людие*, *зодчество*, *художество*, *обрадование*, *освящение*, *осияние*, прилагательное *присный*, причастие *созданный*. Сочетание просторечной и книжной лексики характерно для духовных стихов, поскольку сакральные тексты христианской традиции приводятся в них в поэтических пересказах, сочиненных людьми полуграмотными или даже вовсе не грамотными.

Яркой приметой фольклорного стиля является обилие эпитетов в постпозиции: *Земля Святорусская*, *простор великий*, *раздолье широкое*, *леса высокие*, *озера глубокие*, *гора светловерхая*, *церковь нагорная*, *столпы опорные*, *своды светлосенные*, *церковь незримая*, *терпение верное*, *времена Божии*, *година пресветлая*, *гора поднебесная*, *Русь великая*, *мир Божий*, *слава Божия*. В двух случаях используются конструкции с двумя прилагательными в постпозиции:

церковь соборная, богомольная; главы зарные, червонныя. Встречаются тавтологические эпитеты, значение которых дублирует значение существительного, к которому они присоединены: *раздолье широкое, столпы опорные, честные образы, красное художество, терпение верное.*

Для обозначения одних и тех же персонажей и предметов в Стихе используются перифразы, выбор которых обусловлен контекстом и сменой точки зрения. Например, в основном тексте Стиха строители невидимой церкви именуются: *угодники (3), угодники Божиим (2), святые угодники, подвижники, верные подвижники.* Сами себя они называют несколько уничижительно: *труднички, смиренные.* Пречистая Матерь называет их более оценочно и эмоционально: *присные угодники, славные светильники, умильные печальники.*

В прямой речи Божиим угодников Богородица дважды именуется Матерью Пречистой в то время, как в основном тексте стиха она дважды названа Царицей Небесной. В иконописи Богородица как Царица Небесная обычно изображается с короной; такой, вероятно, и видят ее «люди». Отметим, что традиционно Богородица в царском облачении персонифицирует христианскую церковь [2, с. 22]. В то же время святые угодники, которые называют ее Пречистой Матерью, вероятно, представляют ее себе не в образе царицы, а в образе матери с божественным ребенком на руках.

Многие колоны организованы с помощью звукового повтора, в основе которого может лежать тавтологическое сочетание однокоренных слов: «Ты *святися*, наша мати — Земля *Святорусская!*», «...И того *следы* неслежены», «...*Подвизаются* верные *подвижники*...», «...А *числом* угодники *нечислены*...», «...Аль *честные* *пишут* образы со *писания*...». В некоторых случаях подобные повторы имеются в смежных колонах, связанных отношениями синтаксического параллелизма, например:

Уж *утешно* Ты трудничков *утешила*,
Что *надежно* смиренных *обнадежила*...

Смысловая структура Стиха организована двумя рядами словообразов, задающих семантические поля, которые отчасти пересекаются друг с другом. Это, во-первых, слова с корнями *свет-* и *свят-* и, во-вторых, с корнями *вид-* и *вед-*.

1) В Стихе имеются группы слов, относящихся к семантическим полям света и святости: *гора светловерхая, своды светлосенные, славные светильники, година пресветлая, просветится гора; святая гора, святися, Земля Святорусская, святые угодники, святая Русь, во освящение, слово святое.* К семантическому полю света можно отнести

также словосочетания: *камение белеется; главы зарные, червонныя; на осияние*⁶.

Слова со значением света и святости часто выступают в соседних колонах, актуализируя взаимную связь соответствующих концептов:

Как на той на горе *светловерхой*
Труждаются *святые* угодники...

...И Руси великой во *освящение*,
И всему миру Божьему на *осияние*.

Словосочетание *славные светильники* имеет метафорическое значение и явно отсылает к словам Апокалипсиса, в которых *слава* и *светильник* выступают в одном ряду: «И город не имеет нужды ни в солнце, ни в луне для *освещения* своего, ибо *слава Божия осветила его, и светильник его — Агнец*. Спасенные народы будут ходить во *свете его*, и цари земные принесут в него *славу* и честь свою» (Откр. 21: 23–24).

В начале текста Святорусская Земля рисуется в образе бескрайних просторов, что также утверждает взаимную связь света и святости. Глагол «святися» в первом стихе перекликается с глаголом «просветится», который встречается ниже: «...*Просветится* гора поднебесная...», а также с существительным «освящение»: «...И Руси великой во *освящение*». Когда Матерь Пречистая спустится с небес в невидимую церковь, вся Русская Земля, а потом и весь Божий мир освятятся и засияют, потому что им передадутся святость и сияние Богородицы.

Святость и свет внутренне связаны в Стихе не только на уровне вербальном, но и на уровне сущностном, религиозном и символическом. Можно вспомнить, что в иконописи святость того или иного персонажа зримо передается с помощью нимба. Свет изображается посредством белого цвета, в частности, в иконографии Преображения Господня на горе Фаворской. Кроме того, свет может быть представлен так, как будто он исходит изнутри, а не падает снаружи; с этим связаны блики на ликах сакральных персонажей, световые «вспышки» на иконописных горках и т. д.

Вероятно, Иванов пытался создать такой словесный текст, который бы воспринимался не только на слух (как пение), но и внутренним зрением как своеобразная словесная икона. Можно предположить, что, насыщая текст образами света и святости, перетекающими друг в друга, он целенаправленно добивался эффекта внутреннего свечения словесного текста.

⁶ См. наблюдения о связи света и святости в «Стихе о Святой Горе» в статье: [3, с. 332–333].

Образы Святой Руси, Святой Горы, соборной церкви и Царицы Небесной в Стихе сближаются друг с другом как носители святости. Центральный образ Стиха — «Святая Гора»; «Земля Святорусская» именуется также «святой Русью»; святость Царицы Небесной и соборной церкви очевидна и без специальных определений; «слово» Пречистой Матери именуется «святым».

Комментарием к этим образам Стиха могут быть размышления Вяч. Иванова о святости из его статьи «Лик и личины России» (1917): «*Святая Русь есть Русь святынь, народом воспринятых и взлелеянных в сердце, и Русь святых, в которых эти святыни стали плотью и обитали с нами, далее же — широкая округа, этой святости причастная, ее положившая во главу угла, в ней видящая высшее на земле сокровище, соборно объединяющаяся со своим богоносным средоточием внутреннею верностью ему в глубинах духа, не отделимая от него, при условии этой верности, и самим грехом, — все, одним словом, что нелицемерно именуется Христовою православною Русью.* <...> Приznak коренного духовного родства с этою Русью, Русью *святой*, есть любовь к *святости* и предпочтение ее всем венцам и славам земли. <...> Признание *святости* за высшую ценность — основа народного мирозерцания и знамя тоски народной по Руси *святой*. Православие и есть *соборование со святынею и соборность вокруг святых*. Достоевский неоднократно указывает на подмеченное им в народе верование, что *земля только тем и стоит, что не переводится на ней святость, что всегда есть где-то, в пустыне, в непроходимых дебрях, несколько святых людей*» [9, с. 164–165, 167].

В начале Стиха Земля Святорусская называется «матерью»; далее Царица Небесная сама именуется «Матерью», а исполнители стиха дважды называют ее Матерью Пречистой. Таким образом, Святая Русь и Царица Небесная сближаются друг с другом не только как средоточие святости, но и как носители женственного и материнского начала.

2) Вторая группа слов относится к семантическому полю, задаваемому глаголами *видеть* — *ведать*. В Стихе встречаются слова с корнем *вид-* (*видят, видится, видючи, видим, невиданную*) и с корнем *вед-* (*заповеданы, ведают (2), ведаем (2), заповеданную*).

К словам с корнем *вид-* близко по смыслу прилагательное *незримое (2)*. К тому же семантическому полю относятся глаголы *явить* и *явиться*, которые фигурируют в описаниях того, как нечто, до того не видимое, становится зримым, например: «...И явится на ней церковь созданная...».

В Стихе слова с дериватами корней *вид-* и *вед-* встречаются в одном или в соседних колонах, что акцентирует внутреннюю связь концептов зрения и знания:

...Что́ сами творят, *не видят, не ведают,*
Незримое зиждут благолепие.

...И то угодники *ведают, не видючи,*
И того мы, людие, *не ведаем.*

Целый фрагмент текста построен на словах, относящихся к этим смысловым полям:

А что́ творим — *не видим, не ведаем,*
Незримое зиждем благолепие.
Ты *яви* миру церковь *невиданную,*
Ты *яви* миру церковь *заповеданную!*»

Помещая рядом друг с другом глаголы *ведать* и *видеть*, Вяч. Иванов осуществляет своеобразный семасиологический эксперимент. Внутренний парадокс данных фрагментов заключается в том, что *видение* для Вяч. Иванова всегда предполагает не только узрение предмета, но и его познание, *ведение*. Обратное же суждение неверно: познание предмета не обязательно предполагает его узрение: можно *ведать* предмет, но при этом не *видеть* его. Божии угодники, несомненно, знают, что они строят, хотя этого и не видят. Более того, их постройка отмечена высоким эстетическим достоинством, хотя эстетическая оценка предмета вряд ли возможна вне визуального восприятия⁷.

Мы уже отмечали, что Стих построен как словесная икона, предназначенная для духовного зрения. Сначала читателю (зрителю) предлагается панорама Святой Руси, потом картина Святой Горы, на которой идет строительство собора. Хотя согласно сюжету Стиха эта церковь незрима для ее строителей, она описывается с визуальными атрибутами и подчеркивается, что строители ведают, что они строят, хотя этого и не видят. В заключительной реплике Царица Небесная дает обещание, что в будущем она сойдет в храм, отчего гора осветится, на ней явится церковь и вся земля, а потом и весь Божий мир от этого засияют. Хотя все это произойдет в будущем, явление Царицы Небесной описывается так, как будто оно происходит на глазах у читателя. Можно представить себе, что церковь, гора, земля и весь Божий мир сначала были погружены во мрак, а после сошествия Царицы Небесной выступили из темноты и засияли одна за другой.

В религиозных текстах неверие в Христа и незнание о нем выступают как темнота, а обретение веры и знания о Христе — как обретение света. Например, апостол Павел писал: «*Вы были некогда тьма,*

⁷ Специально о соотношении глаголов *видеть* и *ведать* в поэзии Вяч. Иванова см. статью: [20].

a теперь — свет в Господе: поступайте, как чада света, потому что плод Духа состоит во всякой благодати, праведности и истине...» (Еф. 5: 8–9). Комментируя данные слова апостола, Вяч. Иванов отмечал: «Некогда *темные неведением, ныне уверовавшие во Христа просветились солнцем благодати и, став светоносными, могут и другим сообщать свет*» [5, с. 330, прим.].

Легенда о строительстве невидимой церкви в последующем творчестве Вяч. Иванова

Вяч. Иванов неоднократно возвращался к образам «Стиха о Святой Горе». Например, в одном из эпизодов своей стихотворной сказки «Солнцев перстень» (1911):

Есть двенадцать душ в пустыне:
О невидимой святыне
День и ночь подъявля труд,
Храм невидимый кладут.
Там, где быти мнят престолу,
Ты стрелу зелену долу,
Кровь мою земле предай
И росточка поджидай.

[12, кн. 1, с. 399]

Не случайно, что в приведенной цитате сюжет о строительстве невидимого храма связывается с сюжетом о спрятанной стреле, который разрабатывается поэтом в «Повести о Светомире царевиче».

Вяч. Иванов сослался на легенду о строительстве невидимой церкви в своих статьях «Живое предание» (1915) и «Лик и личины России» (1917), а позднее в своих работах «Русская идея» (1930) и «Достоевский. Трагедия — миф — мистика» (1932), написанных на немецком языке.

Отметим, что Вяч. Иванов нигде не цитирует свое стихотворение и не ссылается на него, но кратко пересказывает саму легенду так, как будто речь идет о народном сказании или поверье. Например, в статье «Живое предание» (1915) Вяч. Иванов пишет:

«...вера в святыню умопостигаемого лика предрешает жертвенную готовность отвергнуться ради него от всех земных, изменчивых и тленных обличий и личин; ибо только святая Русь, — подлинная Русь, Русь же не святая — и не Русь истинная.

Здесь умозрение, обостряясь до интуиции и возгораясь неизречаемым опытом сердца, находит себе созвучное подтверждение в за-

ветных верованиях народа: замыкается круг, и мудрость духовных вершин национального сознания встречается и совпадает с вещими предчувствиями народной души. *Поиски Руси невидимой, сокровенного на Руси Божьего Града, церкви неявленной, либо слагаемой избранными незримыми строителями из незримого им самим камня на Святой Горе, либо таимой в недрах земных, на дне ли светлого озера, в серединных ли дебрях, на окраинах ли русской земли, не то за Араратом, не то за другими высокими горами, — эти поиски издавна на Руси деялись и деются, и многих странников взманили на дальние пути, других же на труднейшее звали, не пространственное, но духовное паломничество.* Так, святая Русь, становясь предметом умного зрения, как в бытийственной тайне сущая, являлась созерцателям этой тайны чистым заданием, всецело противоположным наличному, данному состоянию русского мира. “Не имамъ здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ” [9, с. 50–51].

И далее:

«Это есть уклон не мысли только, но и сердца; но повинны в нем были разве лишь немногие “отщепенцы” в народе из всего множества “взыскующих Града”. Огромное большинство твердо верило, что, хотя бы на Руси грехов было, “что на сосне смолы”, тем не менее, *Русь святая и церковь невидимая не отделимы от видимой и грехом оскверненной Руси:* они — ее душа, корень, глубь, и *никогда не переводящиеся на лице земли русской, хоть и неведомые миру, святые служат живою связью между этими глубинами и наружною поверхностью*, живым залогом, что внутренний лик земли нашей просияет из глуби сквозь искаженные грехом черты обличья тленного» [9, с. 51–52].

Таким образом, сюжет о строительстве невидимой церкви ставится в один ряд с легендами о Китеже, ушедшем под землю или погрузившемся на дно озера Светлояра, и с поверьями о сказочной стране Беловодье. При этом Вяч. Иванов кратко перечисляет разные версии локализации Китежа и Беловодья, хотя и не приводит сами эти названия. Кроме того, Вяч. Иванов утверждает, что видимая церковь существует только благодаря тому, что неведомые миру святые продолжают молиться за грешный мир.

В статье «Лик и личины России» (1917) Вяч. Иванов, излагая сюжет своего Стиха, характеризует его как «народное поверье»: «Итак, оно (строительство, соответствующее «русской идее». — А. Т.) будет, как в народном поверье, *строением на земле церкви невидимой из невидимого камня, и сами строители не будут чувственно восприни-*

мать создаемого ими, доколе невидимое не разоблачится во славе» [9, с. 151]⁸.

В этой же статье Вяч. Иванов противопоставляет церковь зримую и незримую, причем именно вторую считает истинной:

«Взамен излюбленного нашими “богоискателями” противоположения: “историческая церковь” и церковь, заданная в грядущем “третьем завете”, — здоровое православное сознание различает в церкви (и страдает оттого, что вынуждено различать) то, *что есть Церковь в ее существовании, животворимая Духом Святым втайне и чающая Его окончательного откровения, с одной стороны, с другой же организацию соотношений между видимой частью церковной жизни и культурой в широком смысле, стало быть — и государством.* <...> Мы все давно привыкли оставаться православными при внешнем безначалии церкви, незримо начальствуемой Христом и святыми Его, и при таком порядке вещей, когда *вся видимость того, что есть воистину православие, ограничивается храмами и церковными службами.* <...> *Незримая соборность спасает видимое православие, и горе узурпаторам святых, если эта соборность отлучит их от себя, как отсекается соблазняющий член!*» [9, с. 156–158].

И далее Вяч. Иванов отмечает: «Было же, в самом деле, от чего *бежать народу на поиски церкви невидимой, подвижникам и старцам — в затворы уединения и в приюты пустынножительства!*..» [9, с. 159].

В эссе «Русская идея» (1930) Вяч. Иванов приписывает сюжету провиденциальный характер: «Но из самой глубины земли русской раздастся весть святого странника, будто все еще *строится на неведомой горе невидимая Церковь из невидимого камня, и сотворяют ее богоизбранные.* Ибо Церковь, что была во времена оны светочем мира, возвещает он, *ушла под землю, а может быть, схоронилась во глубине чистых вод, откуда по временам доносится далекий приглушенный колокольный звон. И лишь когда исполнятся времена и сроки, откроется миру эта Церковь Святых*» [14, с. 108]. Иванов не называет по имени «святого странника», однако можно догадываться, что имеется в виду В. Соловьев, предсмертные слова которого вынесены в качестве эпитафии к «Стиху о Святой Горе». В эссе 1930 г. Вяч. Иванов вновь связывает сюжет Стиха с легендой о Китеже.

В конце января — начале февраля 1927 г. Вяч. Иванов прочитал в Павийском университете цикл лекций о русской религиозной мысли. Тексты лекций не сохранились, однако об их содержании можно судить по предварительным наброскам Вяч. Иванова и записям од-

⁸ См. соответствующий фрагмент в русском переводе книги Вяч. Иванова «Достоевский. Трагедия — миф — мистика», 1932 [10, т. 4, с. 579; 13, с. 450].

ной из слушательниц. В своих набросках Вяч. Иванов, в частности, фиксировал тезисы будущей лекции: «Благочестие народа. Его религиозное образование совершается только через литургию. Любовь к литургии. Паломничества. Старцы. Исихастский характер культа. Мистический путь народа. Свобода совести. Традиционалисты и новаторы, третий тип: *мистики-искатели Града Божия, Невидимой церкви. Невидимые святые молятся за Россию*. Странности мистицизма. Исповеди Матери-Земле» [16, с. 406].

В отчете о лекциях, подготовленном Марией Делл'Изола, приводились в пересказе слова Вяч. Иванова об идеале Святой Руси: «Но в ожидании того, что этот идеал осуществится, что представляет собой Россия в мире? “*Ex oriente lux*” («Свет с Востока»). Она приносит мистический вклад высочайшей духовной ценности: мир существует и длится потому, что *святые и избранные, невидимые, однако явно присутствующие, молятся за нас*» [16, с. 419, пер. с итал. И. И. Мухомовой].

В поздних пересказах легенда обрывает новыми деталями: над строительством невидимого храма трудятся 12 человек, вероятно, по числу апостолов («Солнцев перстень», 1911); невидим не только сам храм, но и его строители, которые характеризуются как «избранные» («Живое предание», 1915) или «богоизбранные» («Русская идея», 1930). Мир существует только благодаря тому, что эти «святые и избранные, невидимые, однако явно присутствующие, молятся за нас» (лекции 1927 г.).

В своем очерке о биографии Вяч. Иванова О. А. Шор сравнила сочинителя «Стиха о Святой Горе» с одним из калик переходящих: «Родина заговорила с поэтом своими трезво-мистическими голосами, и он *запел как поют калики переходящие, Божьи странники* по русским дорогам “без конца в длину”. В “Кормчих Звездах” целый отдел посвящен “Райской Матери”. Есть народное сказанье: “Они строят церковь из камня невидимого”. В. И. пишет “Стих о Святой Горе”» [4, с. 48]. Здесь же О. А. Шор процитировала «Стих о Святой Горе», сократив его примерно наполовину (она пропустила 32 строки — 1–6, 10–14, 18–20, 25–33, 47, 49–50, 64–65, 66–69).

«Стих о Святой Горе», написанный в 1900 г., явно соотносился в сознании Вяч. Иванова с планами создания «Повести о Светомире царевиче», которые он начал обдумывать еще в 1894 г., а воплотил в жизнь в период с 1928 по 1949 г. В повести важную роль играет тема земного рая, который находится где-то рядом с людьми, однако доступен только зрению праведников. Эта тема невидимого рая перекликается с темой невидимой церкви в «Стихе о Святой Горе».

Уже в первом наброске плана будущего произведения фигурирует Святогор, хотя неизвестно, имеет ли он какое-то отношение к Свя-

той Горе [15, с. 157]. В недатированном наброске Светомир топчет виноград на Острой Горе и поет о ней песню [15, с. 159]. В 1916 г. Вяч. Иванов пишет несколько вариантов песни Светомира, которая начинается словами: «Острроверхая гора, поднебесная...» [15, с. 151]. Образ острой горы с Успенским храмом на нем появляется и в черновом варианте колыбельной Отрады [15, с. 155].

О. А. Дешарт включила «Стих о Святой Горе» в написанное ею «продолжение» «Повести о Светомире царевиче», несколько сократив и поправив текст Стиха [10, т. 1, с. 489–490]. В версии О. А. Шор Стих стал короче (в нем пропущены 13 колонов — 1–4 и 25–33). В колонне 47 О. А. Шор заменила «святую Русь» на «святую страну», а в колонне 60 «Русь великую» на «страну великую». Эти замены связаны с тем, что действие «Повести о Светомире царевиче» происходит в некой славянской стране, и, хотя очевидно, что имеется в виду Русское царство, прямо об этом нигде не говорится. По сюжету «продолжения», Владарь слышит во сне, как «Стих о Святой Горе» поет ему его мать Василиса. Можно предположить, что включение Стиха в Повесть соответствовало замыслам самого Вяч. Иванова.

Согласно «продолжению» О. А. Шор, Светомир оказывается в монастыре на Острой Горе, в сокрытом скиту Богородицы, «где старцы праведные спасаются» [10, т. 1, с. 467]. Позднее он спит на Острой Горе в хрустальном гробу. Между тем старец Парфений, явившись Владарю во сне, сообщает ему, что Светомир «*во церкви невидимой покоится*». Церковь та построена на крови мучеников Христовых» [10, т. 1, с. 489–491].

Таким образом, на протяжении нескольких десятилетий Вяч. Иванов, а вслед за ним О. А. Шор настойчиво продолжали возвращаться к сюжету «Стиха о Святой Горе». Это, несомненно, свидетельствует о том, что данный текст был для них чем-то очень важен. Характерно, что Вяч. Иванов приводил легенду о строительстве невидимой церкви, помещая ее в контекст народных сказаний о Китеже и поисках неведомых земель.

Говоря о Стихе, О. А. Шор писала, что Иванов «запел как поют калики перехожие». Вероятно, так понимал свою роль в сочинении Стиха и сам Иванов: как творчество изнутри традиции, как бы от лица множества калик перехожих, которые в свою очередь выражают стихию безымянного и «нечисленного» народа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Бессонов П. Калеки перехожие. М., 1861–1864. Часть I. Выпуск 1, 2, 3. М.: Тип. А. Семена, 1861. 854 с.; ил. Часть II. Выпуск 4, 5, 6. М.: Тип. Бахметева, Тип. Лазар. инст. вост. языковъ, 1863–1864. 928 с.

2 Образ Богородицы: иконы XVI — начала XX века / Гос. ист. музей; [авт. текста: Я. Р. Бибарцева и др.]. М.: Гос. ист. музей, 2012. 102 с.: цв. ил.

3 Грек А. Г. Красота мира в «Кормчих звездах» Вячеслава Иванова // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного / сост. и отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2004. С. 321–334.

4 Дешарт О. А. Введение // *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт; с введ. и примеч. О. Дешарт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. Т. 1. С. 7–226.

5 Деяния св. апостолов. Послания св. апостолов. Откровение св. Иоанна. Рим: Ватиканская тип., 1946. 513 с.

6 Доценко С. Н. О фольклорных источниках стихотворения Вячеслава Иванова «ΡΟΞΑΛΙΑ ΤΟΥ ΑΓΙΟΥ ΝΙΚΟΛΑΟΥ» // Русская литература. 2006. № 3. С. 108–114.

7 Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым / подгот., [сост., коммент.]: А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов; [Акад. наук СССР]. 2-е доп. изд. М.: Наука, 1977. 487 с.; ил., нот.

8 *Иванов Вяч.* Кормчие звезды: Книга лирики. СПб.: Тип. А. В. Суворина, 1903. 380 с.

9 *Иванов Вяч. И.* Родное и вселенское: Статьи (1914–1916). М.: Изд-е Г. А. Лемана и С. И. Сахарова, 1917. 205 с.

10 *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д. В. Иванова и О. Дешарт; с введ. и примеч. О. Дешарт. Bruxelles: Foyer Oriental Chrétien, 1971–1987. Т. 1–4. 871 с. + 851 с. + 896 с. + 800 с.

11 *Иванов Вяч. И.* Духовные стихи. Roma: [Tipografia S.G.S. Istituto Pio XI], 1986. 57 с.

12 *Иванов Вяч.* Стихотворения; Поэмы; Трагедия: в 2 кн. / сост., подгот. текста и примеч. Р. Е. Помирчего; вступ. ст. А. Е. Барзаха. СПб.: Гуманит. агентство «Акад. проект», 1995 (Новая б-ка поэта).

13 *Иванов В.* Лик и личины России. Эстетика и литературная теория / сост., предисл., прим. С. С. Аверинцева. М.: Искусство, 1995. 668 с.

14 *Иванов Вяч.* Русская идея / пер. с нем. М. Кореновой, предисл. и коммент. Р. Бёрда // Символ: Журнал христианской культуры. Париж; М., 2008. № 53/54. С. 85–134.

15 *Иванов Вяч.* Повесть о Светомире царевиче / изд. подг. А. Л. Топорков, О. Л. Фетисенко, А. Б. Шишкин. М.: Ладомир, Наука, 2015. 824 с.

16 *Иванов Вяч.* Конспект лекций «Русская церковь и религиозная душа народа» / публ. Женевьевы Пирон; послеслов. А. В. Юдина; пер. с франц. М. В. Михайловой // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы / отв. ред. Н. Ю. Грякалова, А. Б. Шишкин. СПб.: РХГА, Пушкинский Дом, 2016. Вып. 2. С. 398–423.

17 *Иванов Вяч., Зиновьева-Аннибал Л.* Переписка: 1894–1903 / подг. текста Д. О. Солодкой и Н. А. Богомолова при участии М. Вахтеля; вступ. ст. М. Вахтеля и Н. А. Богомолова. Комм. Н. А. Богомолова и М. Вахтеля при участии Л. О. Солодкой. М.: Новое литературное обозрение, 2009. Т. 1–2. 804 с. + 616 с.

18 *Иваск Ю.* Рай Вячеслава Иванова // Cultura e memoria. Atti del tezzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov. II. Testi in russo. Florence, 1988. P. 53–58.

19 *Игошева Т. В.* Богородичная тема в поэтическом творчестве Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов: Исследования и материалы. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. Вып. 1. С. 84–98.

20 *Котрелев Н. В.* «Видеть» и «ведать» у Вячеслава Иванова (Из материалов к комментарию на корпус лирики) // Вячеслав Иванов — творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения / сост. Е. А. Тахо-Годи. М.: Наука; Интерпериодика МАИК, 2002. С. 7–18.

21 *Куаме В. Ю.* Традиции духовной поэзии в лирике Вячеслава Иванова доэмиграционного периода: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999 (машинопись).

22 *Ленахин В.* Религиозная лирика Вячеслава Иванова // *Studia slavica Academiae scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1996. Т. 41. С. 151–166.

23 *Мельников П. И. (Андрей Печерский)*. Собр. соч.: в 6 т. М.: Правда, 1963. Т. 2: В лесах. Кн. 1: Роман. 615 с.

24 *Топорков А. Л.* Источники «Повести о Светомире царевиче» Вяч. Иванова: древняя и средневековая книжность и фольклор». М.: Индрик, 2012. 496 с.

25 *Топорков А. Л.* Духовные стихи в русской литературе первой трети XX века // *Русская литература*. 2015. № 1. С. 5–29.

26 Трюнь цветная. М.: Издат. совет РПЦ, 2002.

27 *Федотов Г.* Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М.: Прогресс; Гнозис, 1991. 192 с.

28 *Dudek A.* Поэтическая мариология Вячеслава Иванова // *Studia litteraria polonoslavica*. Warszawa, 1993. № 1. С. 41–52.

29 *Luźny R.* Wiaczesława Iwanowa pieśń o Świetej Rusi // *W drodze* (Poznan). 1988. N 8 (180). S. 28–31.

30 *Woźniak A.* Wiaczesław Iwanow i jego stylizacje ludowe // *Slavia Orientalis*. 1988. T. 37. № 1. S. 111–123.

REFERENCES

1 Bessonov P. *Kaleki perekhozhie* [Cripples]. Moscow, 1861–1864. Part I. Issue 1, 2, 3. Moscow, V^o Tipografii A. Semena Publ., 1861. 854 p.; il. Part II. issue 4, 5, 6. Moscow, V^o Tipografii Bakhmeteva, V^o tipografii Iazar. inst. vost. iazykov^o Publ., 1863–1864. 928 p. (In Russ.)

2 *Obraz Bogoroditsy: ikony XVI – nachala XX veka* [The image of Our Lady: icons of the 16th – beginning of the 20th Centuries], Gos. ist. muzei; [avt. teksta: Ia. R. Bibartseva i dr.]. Moscow, Gos. ist. muzei Publ., 2012. 102 p.: tsv. il. (In Russ.)

3 Grek A. G. Krasota mira v «Kormchikh zvezdakh» Viacheslava Ivanova [The beauty of the world in Vyach. Ivanov's *Lodestars*]. *Logicheskii analiz iazyka. Iazyki estetiki: kontseptual'nye polia prekrasnogo i bezobraznogo* [The Logical analysis of language. Languages of aesthetics: conceptual fields of the beautiful and of the ugly], sost. i otv. red. N. D. Arutiunova. Moscow, Indrik Publ., 2004. pp. 321–334. (In Russ.)

4 Deshart O. A. Vvedenie [Introduction]. Ivanov Viach. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Col. of works: in 4 vols.] ed. D. V. Ivanova i O. Deshart; s vved. (In Russ.) i primech. O. Deshart. Briussel', Foyer Oriental Chrétien Publ., 1971, vol. 1, pp. 7–226.

5 *Deianiia sv. apostolov. Poslaniia sv. apostolov. Otkrovenie sv. Ioanna* [Acts of the Apostles. Messages of the Apostles. The Revelation of St. John the Divine]. Rim, Vatikanskaia tip. Publ., 1946. 513 p.

6 Dotsenko S. N. O fol'klornykh istochnikakh stikhotvoreniia Viacheslava Ivanova "POΣAΛIA TOY AGIOY NIKOLAΟΥ" [On the folklore sources of "POΣAΛIA TOY AGIOY NIKOLAΟΥ" by Vyacheslav Ivanov]. *Russkaia literatura* [Russian literature], 2006, no 3, pp. 108–114. (In Russ.)

7 *Drevnie rossiiskie stikhotvoreniia, sobrannye Kirsheiu Danilovym* [Old Russian poems collected by Kyrsha Danilov], podgot., [sost., komment.]: A. P. Evgen'eva, B. N. Putilov; [Akad. nauk SSSR]. 2-e dop. izd. Moscow, Nauka Publ., 1977. 487 p.; il., not. (In Russ.)

8 Ivanov Viach. *Kormchie zvezdy: Kniga liriki* [Loadstars: a book of poems]. St. Petersburg, Tip. A. V. Suvorina Publ., 1903. 380 p. (In Russ.)

9 Ivanov Viach. I. *Rodnoe i vselenskoe: Stat'i (1914–1916)* [The native and the universal: essays (1914–1916)]. Moscow, Izd-e G. A. Lemana i S. I. Sakharova, 1917. 205 p. (In Russ.)

10 Ivanov Viach. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Col. of works: in 4 vols], ed. D. V. Ivanova i O. Deshart; s vved. i primech. O. Deshart. Bruxelles, Foyer Oriental Chrétien Publ., 1971–1987. Vol. 1–4. 871 p. + 851 p. + 896 p. + 800 p.

11 Ivanov Viach. I. *Dukhovnye stikhi* [Spiritual verse]. Roma, [Tipografia S.G.S. Istituto Pio XI Publ.], 1986. 57 p.

12 Ivanov Viach. *Stikhotvoreniia; Poemy; Tragedia: v 2 kn.* [Poems; Tragedy: in 2 books], sost., podgot. teksta i primech. R. E. Pomirchego; vstup. st. A. E. Barzakha. St. Petersburg, Gumanit. agentstvo "Akad. proekt" Publ., 1995 (Novaia b-ka poeta). (In Russ.)

13 Ivanov V. *Lik i lichiny Rossii. Estetika i literaturnaia teoriia* [The Face and the masks of Russia. Aesthetics and literary theory], sost., predisl., prim. S. S. Averintseva. Moscow, Iskustvo Publ., 1995. 668 p. (In Russ.)

14 Ivanov Viach. *Russkaia ideia* [Russian idea], per. s nem. M. Korenevoi, predisl. i komment. R. Berda. *Simvol: Zhurnal khristianskoi kul'tury* [Symbol: journal of Christian culture]. Parizh, Moscow, 2008, no 53/54, pp. 85–134. (In Russ.)

15 Ivanov Viach. *Povest' o Svetomire tsareviche* ["The Tale about Tsarevich Svetomir"], izd. podg. A. L. Toporkov, O. L. Fetisenko, A. B. Shishkin. Moscow, Ladomir, Nauka Publ., 2015. 824 p. (In Russ.)

16 Ivanov Viach. *Konspekt leksii "Russkaia tserkov' i religioznaia dusha naroda"* [The outline of the lecture "Russian church and religious soul of the people"], publ. Zhenev'evy Piron; posleslov. A. V. Iudina; per. s frants. M. V. Mikhailovoi. *Viacheslav Ivanov: Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov: studies and materials], ed. N. Iu. Griakalova, A. B. Shishkin. St. Petersburg, RKhGA, Pushkinskii Dom Publ., 2016, issue 2, pp. 398–423. (In Russ.)

17 Ivanov Viach., Zinov'eva-Annibal L. *Perepiska: 1894–1903* [Correspondence: 1894–1903] podg. teksta D. O. Solodkoi i N. A. Bogomolova pri uchastii M. Vakhtelia; vstup. st. M. Vakhtelia i N. A. Bogomolova. Komm. N. A. Bogomolova i M. Vakhtelia pri uchastii L. O. Solodkoi. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009. Vol. 1–2. 804 p. + 616 p. (In Russ.)

18 Ivask Iu. Rai Viacheslava Ivanova [Vyacheslav Ivanov's paradise]. *Cultura e memoria. Atti del tezzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov. II. Testi in russo*. Florence, 1988, pp. 53–58.

19 Igosheva T.V. Bogorodichnaia tema v poeticheskom tvorchestve Viach. Ivanova [The theme of Our Lady in Vyach. Ivanov's poetical work]. *Viacheslav Ivanov: Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov: studies and materials]. St. Petersburg, Izd-vo Pushkinskogo Doma Publ., 2010, issue 1, pp. 84–98. (In Russ.)

20 Kotrelev N.V. “Videt” i “vedat” u Viacheslava Ivanova (Iz materialov k komentarii na korpus liriki) [To “see” and to “know” in Vyacheslav Ivanov: from the materials to the commentary on the body of his poetical works]. *Viacheslav Ivanov — tvorchestvo i sud'ba: K 135-letiiu so dnia rozhdeniia* [Vyacheslav Ivanov, work and life: to the 135th anniversary], sost. E. A. Takho-Godi. Moscow, Nauka; Interperiodika MAIK Publ., 2002, pp. 7–18. (In Russ.)

21 Kuame V. Iu. *Traditsii dukhovnoi poezii v lirike Viacheslava Ivanova doemigratsionnogo perioda: dis. ... kand. filol. nauk* [Traditions of spiritual poetry in the poems by Vyacheslav Ivanov of the pre-emigration period: diss. thesis]. Volgograd, 1999 (mashinopis').

22 Lepakhin V. Religioznaia lirika Viacheslava Ivanova [Vyacheslav Ivanov's religious poetry]. *Studia slavica Academiae scientiarum Hungaricae*. Budapest, 1996, vol. 41, pp. 151–166.

23 Mel'nikov P.I. (Andrei Pecherskii). *Sobr. soch.: v 6 t.* [Col. of works: in 6 vols]. Moscow, Pravda Publ., 1963. Vol. 2: V lesakh. Book 1: Roman [Novel]. 615 p.

24 Toporkov A. L. *Istochniki “Povesti o Svetomire tsareviche” Viach. Ivanova: drevniaia i srednevekovaiia knizhnost' i fol'klor* [The sources of “The Tale of Svetomir Tsarevich”]. Moscow, Indrik Publ., 2012. 496 p. (In Russ.)

25 Toporkov A. L. *Dukhovnye stikhi v russkoi literature pervoi treti XX veka* [Spiritual verse in Russian literature of the first third of the 20th Century]. *Russkaia literatura* [Russian literature], 2015, no 1, pp. 5–29. (In Russ.)

26 *Triod' tsvetnaia* [Colored triode]. Moscow, Izdat. sovet RPTs Publ., 2002. (In Russ.)

27 Fedotov G. *Stikhi dukhovnye. Russkaia narodnaia vera po dukhovnym stikham* [Spiritual verse. Russian popular faith in spiritual verse]. Moscow, Progress; Gnozis Publ., 1991. 192 p. (In Russ.)

28 Dudek A. *Poëticheskaia mariologia Вячеслава Иванова* [Poetical mariology of Vyacheslav Ivanov]. *Studia litteraria polono-slavica*. Warszawa, 1993, no 1, pp. 41–52.

29 Łużny R. *Wiaczesława Iwanowa pieśń o Świetej Rusi. W drodze (Poznan)*, 1988, N 8 (180), pp. 28–31.

30 Woźniak A. *Wiaczesław Iwanow i jego stylizacje ludowe. Slavia Orientalis*, 1988, vol. 37, no 1, pp. 111–123.